

Алексей Шмелёв

«Где тьма превращается в свет...»

Родился в 1987 году в Москве. Один из основателей культурного арт-проекта «Мужской голос». Участник антологии «Живые поэты». Автор четырех книг, последняя из которых – «Неитожимы» – вышла в 2023 году. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Нева», «Дружба народов», «Москва». В журнале «Плавучий мост» публикуется впервые.

1.

Забирайте с собою в могилы свои кирпичи,
смад панельных высоток, благие намеренья тоже. Мне оставьте
скамейку у моря в тени алычи. И отмошек броню из загара и
соли на коже. Я смертельно устал от людей – их заботы храня.
Даже самые близкие – будто бы тянут в трясины. И жена, и друзья,
и родители – лучше меня. Но я их не люблю. Я люблю только
брата и сына.

Вот такой получился, как Оля сказала – «чудак». Мы встречались
полгода, а я как «чудак» её бросил. А к чему я вообще её вспомнил?
(кальвадос – судак –коктебель – алыча!) и броня и скамейка
и осень...

2.

А потом возвращенье обратно – в заснеженный край,
край, где небо так низко,
что можно коснуться рукою.
Если это не рай, то тогда существует ли рай?
Где сердечный раздрай утопает в душевном покое.
Ты всю жизнь говорил о любви,
я не слышал тебя.
Ты с любовью касался меня –
я отдергивал руку.
Не порежься, сынок, о небес цифровые края,
когда будешь ползти по воде к изначальному звуку.

* * *

Зацвела алыча
в небо Крыма – под ним
я несу на плечах
непроявленный нимб.

Я тебе не смогу
рассказать налету
про Венеру в снегу
и Юпитер в цвету.

Не руби сгоряча
мою голову с плеч –
я несу на плечах
своих – млечную речь.

Я забыл свою суть –
потому и молчу.
Скоро суд. Мне на суд
принесут алычу.

* * *

Помилуй Бог, того, кто грешен
не множа грех –
даруй цветение черешен
и детский смех.

Пусть будет радость, как влитая –
от сих до сих.
За то, что он себя пытается,
а не других.

За то, что сам находит знаки –
там, где их нет.
За то, что он, зачатый в мраке,
поверил в свет.

За то, что там, где бес итожил
одно из двух.
Он выбирал, но вспомнил всё же,
что третий – дух.

* * *

Мир от греха ослеп, оглох,
стал грубым, как кирза.
Когда в хлеву родился Бог
и приоткрыл глаза.

И под мерцание комет
и отблески луны,
Бог в первый раз увидел свет
с обратной стороны.

И ощутил тепло от рук,
и в нос ударил пот,
Бог в первый раз узнал, как звук
звучит наоборот.

И начал изучать азы
и ощутил тоску –
прижав беспомощный язык
к шершавому соску.

О, дева радостнее будь –
тебе страдать за двух!
Иначе миру не вернуть
и зрение и слух.

* * *

Индеец из племени Майя
смотрел, как стекает вода
по стёклам пустого трамвая,
идущего в никуда.

Наряд его был размалёван,
сиял над макушкой нимб...
И, словно в стихе Гумилёва,
плыла его жизнь перед ним.

В том месте, где раньше был Лейпциг,
а может Монако какой –
ему улыбались индейцы
с какой-то славянской тоской.

Озера, поросшие тиной,
высотка с табличкою МИД,

и в сердце огромной пустыни
обломки родных пирамид.

Над ними, как древние духи,
считая копейки в горсти,
по воздуху плыли старухи
из сельских своих палестин...

На месте, но словно куда-то,
где примут должок за своих –
шагали шеренгой солдаты,
по родине предавшей их.

И нежные дети играли,
не зная про смерть и долги...
И ехал трамвай по спирали,
свои, расширяя круги.

* * *

– Казалось, вот он Бог –
вложи персты и веруй.
И жил в монастыре,
и чудеса узрел.
Чего ж тебе ещё,
ни в чём не знавший меры?
Каких тебе ещё
от Бога надо дел?
– От Бога моего
я дел не жду, ей-богу.
Я знаю, что Он ждёт
с гостинцами меня.
И я Ему несу к великому итогу –
на блюдце золотом свои четыре дня.
В день первый у меня
родился сын мой первый,
и не родился сын
второй мой в день второй.
Ну а на третий день –
во укрепление веры,
склонился в церкви я
над мёртвою сестрой.
А после шёл к Нему
я ни живым, ни мёртвым –
ни мёртвым, ни живым
шёл к Богу своему.
С гостинцами тремя –
за днём своим четвёртым.
Я всё Ему отдам.
Я всё отдам Ему.

* * *

Стихи про жирафа, как такового –
мог написать и Блок.
Да в общем-то и про Слово – как Слово
другой написать бы мог.
И всё бы закончилось ежесекундно –
с пулей нырнувшей в бок.

Стихи сочинять не особо и трудно –
вот Блок рифмовал, как Бог.
Иной рифмоплетством грешит по незнанию
вселенских законов и норм,
иной самолюбия кормит пиранью
и сам же идёт на корм.
Иной литосферные плиты ворочает,
иной изменяет язык.
А зодчих – поди поищи этих зодчих –
среди алкашей и барыг.
А чтобы о родине, чести и вере –
так это совсем раритет.
Они на Венере, давно на Венере –
где тьма превращается в свет.

* * *

Когда последним снегопадом
укроет Бог страну мою –
погаснет солнце, как лампада,
и станет холодно в раю.
Необъяснимый и нелепый
приобретут в ту пору вид
высоток подмосковных склепы
и частокол надгробных плит,
когда на улицы пустые –
что мы из кухни на балкон,
полупрозрачные святые
сойдут с намоленных икон.
Воздастся каждому по вере,
золою станут города.
И спящий мальчик на Венере
не вспомнит Страшного Суда.

* * *

Умирал солдат, как говорится,
без ненужных фраз и медных труб.
И гуляла пьяная столица
и домой разъехалась к утру.

Облаков плыла по небу вата
от земли до самых райских врат.
И спросил апостол у солдата:
– За кого ты воевал солдат?

И солдат, убитый под Донецком,
протянул апостолу в горсти
в крови и поту рисунок детский
и услышал голос:
– Пропусти.

* * *

Пока рабочий кормил семью,
пока мудрец прозревал.
Воин мысленно с восемью
врагами во сне воевал.
И был тревожен война сон
и холоден война пот.
И должен с врагами был справиться он –
казалось ему вот-вот.

Когда ж обессилев, к лицу лицом –
со смертью встречался солдат,
смерть обращалась вертлявым купцом,
продавшим его автомат.

И воину снились пустыни, снега
и не было битвам конца.
И воин опять побеждал врага
и снова встречал купца.

* * *

Столько света вокруг –
с непривычки смотри не ослепни.
Пыль прекрасной звезды оседает на теле твоём.
И от этой пыли умирают все мухи и слепни –
все кто пил твою кровь и, напившись, кружил над гнильём.
Как красив этот свет.

Ты бы тоже мог стать этим светом.
Но ты слишком тяжёл.
Но грехи тебя тянут к земле.
Ты откроешь глаза и наутро не вспомнишь об этом.
Только пение птиц. Только солнечный луч на столе.

* * *

И Пушкин говорит
соседу по скамейке:
«Я столько раз убит,
что даже не смешно!»
И прячет нос сосед
за ворот телогрейки.
И щурится сосед.
И хмыкает: «Грешно...»

«Ну ладно, брат, пора –
запоя сердце просит.
Поеду в номера! » –
захохотал поэт.
«Поехали со мной?
Чего сидеть, Иосиф?
Я столько раз убит,
что превратился в свет!»